

МАГИ & МОТОРЫ

СЕРИЯ "МАГИ И МОТОРЫ"

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОН-СЛМОЗВАНЕЦ

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ
МЯГИЧЕСКИЙ ВОР

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОНЫ ЮГА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ЛЮДИ ПЕПЛА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ЛЮДИ
ШЕШЛА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Составитель серии *Алексей Бобл*

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Каменистый, Артем.

К18 Люди пепла / Артем Каменистый. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Маги и мо-
торы).

ISBN 978-5-699-89733-9

Они — рашмеры. Люди пепла. Отобранные из тысяч, бесправные рабы церкви, завладевшей их душами и телами. Расходный материал, который веками гонят на земли Краймора, где большая часть избранных находит смерть в первые годы, а выжившие до конца своих дней не могут разорвать незримую нить, крепко привязавшую их к Крайнему Югу. Этой партии новичков не повезло с самого начала. Церковь скупа и хитряется извлекать выгоду даже при перевозке своей добычи, и на этот раз экономия привела к гибели живого груза. Редкие счастливики, которым повезло вырваться из трюма, угодили во власть великого круговорота соленых вод, и он неизбежно выбросит деревянную скорлупку на камни Краймора. Но не факт, что до этого момента удастся дожить, ведь под досками палубы скрываются те, с кем пепел обошелся куда безжалостнее. Их много, они сильны и голодны, а доски, увы, долго не продержатся...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89733-9

© Каменистый А., 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Глава 1

Живой груз

Вначале был туман. Клубящаяся белесая мгла, и ничего более. Иногда в ее завихрениях проявлялись смутные очертания каких-то непонятных предметов, чтобы через кратчайший миг исчезнуть бесследно, не позволив успеть себя опознать. В их реальность не верилось, это куда больше походило на обман, чем на что-то настоящее.

Затем появилось ощущение, что ты не крошечная точка в бесконечном мраке, ты куда больше, у тебя есть тело, и это тело чувствует себя не очень хорошо. Онемело до дубового состояния, и на фоне этого частые болезненные покалывания, будто все мышцы затекли и к ним начинает приливать кровь.

А может, нет никакого онемения? Может, тело умерло и прямо сейчас облаченный в черное некромант пытается вдохнуть в пустую оболочку псевдожизнь?

Некромант? Кто это или что? Откуда выплыло это слово? И почему он думает, что мир не ограничивается непроглядным туманом?

Захотелось что-то сказать вслух, услышать свой голос, но он понятия не имеет, как раскрыть рот. И даже не уверен, что рот вообще существует. Это походит на бестелесное существование.

Но если тела нет, то каким образом оно может болеть?

Видимо, мысли по поводу рта сработали, заставили его начать оживать. Он почувствовал язык и мокроту обильной слюны, которую пришлось поневоле сглотнуть. Она раскаленным потоком ринулась по пищеводу, остановилась в желудке, и уже оттуда по всему телу начали расползаться волны приятного тепла.

Очередная волна добралась до головы, и туман наполнился звуками. Что-то ритмично поскрипывает, где-то стучат по дереву, вдалеке кто-то громко закричал, еще кто-то простонал или просто громко вздохнул. Не разобрать детали, все приглушенное и какое-то искаженное, нереальное. Похоже, уши работают с ошибками.

Глаза. Надо открыть глаза. Вот только как это сделать?

Замороженный мозг еще обдумывал непростой вопрос, а тело уже все вспомнило, веки сами собой поднялись, туман рассеялся без следа.

Вот только он ничего не увидел. Вообще ничего. Угольно-черный мрак, даже самой глубокой ночью такого не бывает. Что с ним? Ослеп? Или заточен в глубокое неосвещенное подземелье?

Нет, не ослеп. Что-то все-таки пробивается. Тончайшая едва освещенная линия. Она похожа на...

Он понял, на что она похожа. И понял, куда попал. Неудобно скрюченное тело находится в тесном деревянном ящике, и в едва заметную щель между досками снаружи пробивается неяркий свет.

Как он здесь оказался? Почему ничего не помнит? И воздух, какой же здесь спертый воздух. Как он до сих пор не задохнулся? Здесь же нечем дышать.

Впрочем, если он и дальше будет сидеть, обхватив колени, надолго это не затянется. Воздух не просто дурной, его уже не один раз прогнали через легкие,

еще немного, и эта гадость не сможет поддерживать жизнь в многострадальном теле.

Уперся макушкой в доски, попытался выпрямиться. Но ни на волосок не сдвинул преграду с места, будто на каменную стену давит.

Изменил тактику — вжал голову в плечи, ударил макушкой. Еще и еще. Больно, неприятно, и, похоже, без малейшего толку. Ситуация скверная, ведь активные действия увеличивают расход кислорода, а в ящике его и без того почти нет. Сознание начало заволакивать паникой, похоже, он встрял очень серьезно, без посторонней помощи нечего и думать выбраться из непонятного ящика. Вот-вот и вырубится, а потом задохнется.

Уперся еще раз, напрягся так, что из глаз искры полетели. И, похоже, затрещали кости черепа. Нет, ничего не выходит, все усилия впустую, он быстрее макушку проломит, чем заставит сдвинуться эти доски хотя бы на волосок.

Стукнул еще раз, скорее от отчаяния, чем по-настоящему пытаясь вырваться. И окаменел — следом по доскам три раза ударили и приглушенным голосом спросили:

— Кто там? Нормальный? Отвечай. Ты нормальный? Скажи хоть что-нибудь. Быстрее говори, а то уйду.

Нервно сглотнув слюну, продолжавшую выступать в больших количествах, поспешно протараторил:

— Я здесь. Я нормальный. Помогите выбраться, я задыхаюсь.

Несколько мгновений ничего не происходило, им начало овладевать отчаяние. Все пропало, незнакомец ушел, не отреагировав на просьбу.

Но нет, не ушел, не бросил. Доски затрещали с таким звуком, что стало понятно — не выдержат. Треск резко усилился, затем в ящике мгновенно посветлело, крышка откинулась в сторону, кто-то неразличимый торопливо проговорил:

— Быстрее сматывайся отсюда. В ближнем конце лестница, по ней наверх и стучи в дверь, я открою. Только не приведи за собой пепельников.

— Пепельников? — спросил он, ничего не понимая.

— Нас переморозило, некоторые уже обратились, так что вали отсюда быстрее. Не можешь бежать, пересиди чуток, мы их с другого выхода сейчас отвлечем, а там уже дуй на лестницу.

Из сказанного понял далеко не все, ну да это уже неважно, можно потом как следует обдумать. А сейчас надо дышать полной грудью, наслаждаясь настоящим воздухом, а не той смертоубийственной смесью, которая скопилась в ящике. И можно слегка распрямиться, закусив губу от боли, которая вспыхивает в мышцах и суставах при каждом движении.

Зрение работало плохо. Он не мог разглядеть дальние объекты, они расплывались, размазывались в пространстве, превращаясь во что-то неузнаваемое. Зато вблизи проблем почти нет. Отчетливо видно, что нижняя половина его тела покоится в невысоком ящике, а верхняя облокотилась о дощатый помост. Над головой нависает низкий потолок, под которым в бескончаемом кружении порхает крохотный ослепительно-белый шарик мобильного магического светляка. Две ближайшие стены странно неровные, а дальние теряются во мраке. Такое впечатление, что оказался в широком коридоре.

Слева во мраке кто-то визгливо закричал, после чего несколько раз не по-человечески ухнул. Очень неприятный голосок, от него по коже побежали мурашки.

Язык снова стал мокрым и липким, слюна выделялась в невероятных количествах. Зато глаза начали приходить в норму, теперь он мог заглянуть чуть дальше. Пробежал взглядом по неровным стенам, и откуда-то пришло понимание, что это не коридор,

как показалось поначалу. Он находится в трюме корабля, который стоит на почти спокойной воде. То, что списывал на легкое головокружение, объясняется качкой. Так же из-за нее поскрипывают детали судового набора, эти звуки можно услышать даже при видимом отсутствии волнения.

Корабль? Что такое корабль?

В голове возникли быстро меняющиеся картинки: стремительный зауженный клипер¹ с плавными обводами, приземистый тяжелый барк² с огромными полотнищами парусов на четырех высоченных мачтах и уродливая, обшитая металлом низкая громадина, изрыгающая клубы черного дыма. Последнее промелькнуло совсем быстро, возможно — обман сознания. Уж очень не похоже на все остальное.

Стараясь не обращать внимания на вспышки боли, которые преследовали при каждом движении, неспешно огляделся по сторонам. Почти весь трюм тесно заставлен такими же ящиками, как и тот, из которого он сейчас наполовину выглядывал. Некоторые открыты, в ближайшем из них можно разглядеть скрючившегося человека. Выглядит он так плохо, что в голову лезут самые скверные мысли.

Не удержался, выбрался, на четвереньках пополз по помосту. Добрался до разверзнутого ящика, склонился, прикоснулся пальцем к щеке. И тут же отдернул руку — кожа ледяная, неживая, после прикосновения осталась вмятина, и она не спешит разглаживаться.

---

¹ Клипер (от *англ.* clipper или *нидерл.* klipper) — судно или корабль с развитым парусным вооружением и острыми, «режущими воду» (*англ.* slip) обводами корпуса. Первоначально клипера были парусными, впоследствии их стали снабжать паровым двигателем (парусно-паровые клипера).

² Барк (*нидерл.* bark) — большое парусное судно с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой (бизань-мачты), несущей косое парусное вооружение.

Обернулся, оценил количество ящичков. На освещенном пространстве не менее нескольких десятков, а сколько скрываются во мраке немаленького трюма — неизвестно. Четыре из них открыты, при этом лишь два пустые. Считая тот, из которого он только что выбрался.

Квадратные тесные гробы, а не ящички — вот что это такое.

Из мрака вновь донесся крик. Приглушенный, будто кричавший скрыт за преградой, но преграда эта не кажется надежной.

Очень уж нехороший звук. Хочется оказаться как можно дальше от его источника.

Как там говорил неведомый спаситель? Надо добираться до лестницы? И где же она, эта лестница? Плохо, если в той же стороне, где и кричащий. Даже шаг в том направлении делать не хочется.

Решено — направится в другую сторону. Как передвигать магический светляк, он не знает, так что придется продвигаться на ощупь, стараясь придерживаться помоста.

Развернулся, направился было в сторону, противоположную от источника криков, но замер — в каком-то из ближайших ящичков отчетливо стукнули о стенку. Вроде бы звук раздался отсюда, здесь лишь два варианта, и оба заперты.

Постучал в один, спросил:

— Есть кто живой?

В ответ дважды стукнули в соседнем. Чуть сдвинулся, тоже стукнул дважды по крышке, пообещал:

— Подожди, сейчас я тебя вытащу.

Сказать легко, сделать — куда труднее. Доски сбиты на совесть железными гвоздями с квадратными шляпками, попытка справиться голыми руками ни к чему не привела. Огляделся в поисках какого-нибудь инструмента, но на глаза ничего не попало. Единственное, что здесь можно взять в руки, — одну

из крышек с тех ящичков, которые уже открыты. Но каким образом она может помочь?

Хотя...

С трудом, чуть не заорав от вспышки боли в напрягшемся теле, пододвинул соседний ящик. Тяжелый, явно занятый, и хозяин никак не отреагировал на перемещение. Теперь угол вместилища молчаливого тела можно использовать в качестве опоры для рычага из доски, которую каким-то образом придется сорвать с крышки. Выломать ее непросто, пришлось повозиться, зажав в щели помоста и расшатывая, но в итоге она сдалась. Пока этим занимался, стуки прекратились — заточенный в тесном узилище человек перестал подавать признаки жизни. Это страшило, заставляло нервничать и суетиться, что нисколько не убыстряло процесс.

Рычаг оказался так себе, крышка не поддавалась, хоть тресни. Пришлось залечь, использовать доску в качестве молотка, снизу вверх нанося удар за ударом по углу в надежде расшатать, создать хотя бы крохотную щелочку. Неудобная поза, неудобное положение, но что еще можно придумать?

Расчет оправдался, и вскоре щель в уголке достигла таких размеров, что в нее пусть и с натугой, но получилось вбить конец доски. А дальше смог надавить уже по-настоящему, расширив так, что хоть ногу просовывай. Ухватился обеими руками, поднатужился, рванул что было мочи.

Есть — открыл.

Человек, скорчившийся в ящичке, не подавал признаков жизни. Уткнулся лицом в поджатые коленки, спутавшиеся золотистые волосы спускаются ниже плеч во все стороны, их так много, что в первый миг показалось, будто, кроме них, там толком и нет ничего. Но это не так, просто роскошная прическа сильно растрепалась, прикрыв все остальное.

Ухватился под руки, потянул. Тело оказалось на удивление легким, и, только уложив его на помост, понял, в чем причина. Да и непомерная длина волос тоже объяснилась. Это не худой мальчишка, как подумал поначалу, а хрупкая невысокая девушка с мертвенно-бледным лицом, слегка присыпанным россыпью едва заметных веснушек.

Осторожно похлопал по щеке:

— Эй! Ты живая?!

Кожа вроде не холодная, но, похоже, он опоздал. Грудь не вздымается, спасенная не дышит. Слишком долго провозился с проклятой крышкой, слишком мало воздуха в ящике, время вышло.

Из глубин трюма вновь донесся пугающий крик, вызвав стандартную реакцию. То есть очень сильно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Бросить спасенную? Да какая же это спасенная, если он вытащил уже мертвое тело. А вдруг в этих ящиках такие же люди, какой только что была она? При смерти, из последних сил глотающие затхлый воздух, не в состоянии вырваться самостоятельно и не догадывающиеся постучать. Ему вот кто-то вовремя помог, отреагировав на шум, а им не повезло.

А почему только ему? Неведомый спаситель должен был остаться и выручить остальных. Тогда бы ему не пришлось смотреть в мертвое веснушчатое лицо и корить себя за смертельное промедление.

Губы девушки приоткрылись, она закашлялась, судорожно задышала, повернула голову. Глаза приоткрылись и слепо уставились в потолок. Даже при небогатом свете от магического шарика было видно, что они у нее неправдоподобно зеленые, будто поверх радужки закрепили круглые пластинки из драгоценного изумруда, причем высшего качества. Ненормальный цвет — или с ней что-то не так, или зрение врет.

— Ты как? Ожила? Идти сможешь?

Все еще слепо глядя в одну точку, спасенная прерывисто проговорила неожиданные слова:

— Миллиндра Даймус, заявленный возраст семнадцать лет, северная харборка, рост пять гарвианских фунтов и три дюйма¹, худощавое телосложение, волосы светло-золотистые, глаза зеленые, в основании большого пальца на левой руке шрам в форме звезды. Незаконное проникновение, взлом, попытка кражи летающего питомца, сопротивление при задержании, нанесение телесных повреждений, попытка убийства.

Голос срывающийся, громкость его скачет на каждом слове. Похоже на зазубренный текст, вырвавшийся сам собой, механически, она сейчас вряд ли что-то сообщает.

— С тобой все нормально? — спросил осторожно, сильно сомневаясь, что получит утвердительный ответ.

Несколько мгновений ничего не происходило, но потом взгляд девушки переместился с потолка на стену, пробежался по ряду ящичков, стал чуть более осмысленным. Губы вновь разомкнулись, заговорила почти нормальным голосом:

— Ты кто?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?!

Пожал плечами:

— Не знаю, и все.

— Так не бывает.

— Мне будто память отшибло. Наверное, еще в себе не пришел, я тоже в ящичке сидел, в голове до сих пор звенит и пусто.

— А я помню... я помню себя. Я все помню.

— А я нет.

---

¹ Около 158 см.

— У тебя на шее висит табличка. Что на ней написано?

Только сейчас обратил на нее внимание. И правда что-то болтается — тончайшая лакированная дощечка размером чуть больше половинки ладони. Вгляделся, прочитал вслух короткое слово:

— Трой.

— Что — Трой?

— Тут написано Трой. С большой буквы. И еще буква «С» под этим словом.

— И все?!

— Все.

— Странно... Получается, Трой — твое имя. Но почему нет остального?

— Не знаю.

— А где все? Почему мы выбрались одни?

— Считая наши, открыты пять ящиков. В двух мертвецы, я их доставать не стал, они холодные. Ты стучала, потому и открыл. Это не так просто, инструмента нет, я на тебя все силы потратил, теперь чувствую себя как рыба, вытщенная из воды. Тебе, похоже, тоже плохо.

— Так плохо мне никогда не было.

— Это заметно.

— А где команда?

— Не знаю. Кроме меня и тебя тут был всего лишь один человек, но я его даже не увидел. Он помог выбраться и сразу ушел, не стал ждать. И говорил, что мне тоже нельзя здесь задерживаться.

— Почему? — спросила девушка, начав приподниматься.

При этом прикусила губу: ей, похоже, каждое движение давалось с нешуточной болью. Знакомое состояние, сам до конца от него не отошел.

— Он говорил о каких-то пепельниках и о том, что нас переморозило. Я ничего не понял, переспро-

сильно не успел: когда выбрался из ящика, его уже не было.

— Что?! — испуганно вскинулась Миллиндра. — Пепельники?! Какие пепельники?! Где они?!

— Не знаю я ничего, говорю же, мне не удалось с ним пообщаться. Несколько слов всего лишь. Еще он говорил, что некоторые обратились. Тебе это о чем-то говорит?

В этот момент стукнули по дереву. Знакомый звук. Поднялся, направился на его источник, уже на ходу произнес:

— Еще кто-то живой, надо открыть, пока не задохнулся.

— Стой! — громко произнесла девушка.

Судя по тому, что короткое слово вырвалось чуть ли не со стоном, в себя она приходит медленно, ей сейчас очень нехорошо.

— Нельзя стоять, он задохнется там.

— Спроси у... спроси у него сперва что-нибудь, не открывая сразу. Спроси и слушай, что ответит.

— Зачем?

— Ничего не спрашивай, просто сделай.

— Хорошо.

Остановился. Здесь сразу четыре ящика, в каком из них очнувшийся человек — неизвестно. Впрочем, с одним все очевидно, потому как открыт и пуст. Остаются три.

Постучал по первому, громко спросил:

— Ты там живой?!

Соседний ящик подпрыгнул от сильнейшего удара, доски затрещали, послышался утробный рык, сменившийся зловещим шипением разозленного до нельзя небольшого удава.

— Эй! Нормально отвечай! — произнес он слегка дрогнувшим голосом, не верилось, что там заточен человек.